

Волна жары и фейерверк пересекли реку, а затем прошли по шумному городу. Пейзаж становился всё более и более частичным. Чжоу Цзихэн дотронулся до Ся Сицина пальцами ног:

— Мы почти на месте?

— Я не знаю. – Ся Сицин даже толком не различал.

Чжоу Цзихэн почувствовал, что он был небрежен:

— Разве ты не из Уханя?

— Мало кто из уханя посетил весь город Ухань. – Когда Ся Сицин сказал это, сначала его тон был бездумным, а в конце он слабо вздохнул.

Чжоу Цзихэн обнаружил это, но Фэй-гэ, который сидел впереди, этого не заметил. Он с радостью принял участие в разговоре и сказал:

— Да, люди из старого Уханя вроде меня бегают каждый день, и они не обязательно ходят повсюду.

Ся Сицин повернул к нему лицо, и эта маленькая родинка на кончике его носа всегда сразу привлекала внимание Чжоу Цзихэна:

— Ты знаешь три города Ухань.

Увидев, что Чжоу Цзихэн кивает, Ся Сицин продолжил:

— На самом деле, лучше сказать, что это три города, а не области. Каждый из них имеет большую площадь, не говоря уже о комбинации. Моя семья живёт в Ханькоу. Когда я учился в средней школе, я обычно ездил учиться в Ушэн. Потребовалось почти два часа на автобусе, чтобы вернуться в школу и поспать в машине.

Выражение его лица всегда смягчается, когда он говорит о воспоминаниях.

— Но наш водитель здесь ведёт машину очень усердно, и заснуть практически невозможно.

Глядя на лицо Ся Сицина, Чжоу Цзихэн всегда думал, что если бы только он мог обнять его, он мог бы просто обнять Ся Сицина и слушать его рассказ всю ночь.

— У вас двоих есть время, до того, как вы покинете самолёт, ещё неделя. – Кун Чэн улыбнулся

и сказал. — Сицин, просто чаще води Цзихэна по Уханю, чтобы он мог как можно скорее вжиться в роль и принять участие в фейерверке.

Ся Сицин вздохнул. Рука, которую держал Чжоу Цзихэн, была немного кислой. Он коснулся её запястьем и нахмурился, глядя на Чжоу Цзихэна. Чжоу Цзихэн быстро передумал, думая, что причиняет ему боль, поэтому он быстро отпустил руку, которую крепко держал.

Ся Сицин тоже не убрал свою руку назад, но осторожно положил её на подушку сиденья, и Чжоу Цзихэн нежно накрыл руку Ся Сицина своей ладонью.

Несколько человек сказали это в машине, и им не потребовалось много времени, чтобы добраться до места съёмки.

Это самая известная городская деревня в Ухане, и это также наименее «уханьское» место во всём городе.

Дорога стала переполненной, появились беспорядочные остановки и пешеходы, которые не могли объехать её. К счастью, Фэй-гэ обладал хорошими навыками вождения и продолжал загонять машину в водопропускную трубу в Хуане.

Водопропускная труба на самом деле является проходом в общину Хуанли. Стены, выкрашенные в изумрудный цвет, с обеих сторон зажаты, а сверху покрыты посередине.

Именно такой узкий коридор шириной в пять метров берёт на себя функцию обеспечения возможности ежедневного передвижения 100 000 жителей города.

Фэй-гэ держал руль в руке и посигналил опозоренному фургону перед собой:

— Сегодня мне повезло. Я не задел машину, выезжавшую оттуда, иначе она была бы заблокирована с обоих концов, и ни один из них не смог бы сдвинуться с места.

Фургон впереди, наконец, тронулся с места и медленно поехал вперёд, как пожилой человек, так что они могли идти только медленно. Наконец, они въехали в водопропускную трубу. Свет внезапно потускнел. Чжоу Цзихэн подсознательно сжал руку Ся Сицина и посмотрел на него, но Ся Сицин просто поднял голову и посмотрел в окно.

К счастью, Чжоу Цзихэн почувствовал такое облегчение, что не убрал руку.

На самом деле, в водопропускной трубе вообще не было темно, но было немного темнее, и проход был недлинным, поэтому он быстро открылся.

Похоже, это было из-за того, что только что прошёл дождь и земля была грязной. Тётя шла с

двумя большими сумками предметов первой необходимости вдоль водопропускной трубы. Колеса забрызгали её грязью. Она выругалась несколькими словами на неортодоксальном уханьском диалекте и продолжила выходить из водопропускной трубы.

Чжоу Цзихэн не испытывает ненависти к такого рода хаотичному и шумному рынку. Как актёру, ему очень нравятся подобные места. Здесь полно людей всех мастей. Каждый – это развернутый сборник рассказов, использующий свои конечности и выражения для интерпретации странных сюжетов.

Они подъехали к месту, куда машина не могла въехать.

Они вчетвером вышли из машины, Фэй-гэ быстро проводил их до двери машины и отвёз в дом, который Кун Дао снял для него.

Чжоу Цзихэн и Ся Сицин шли позади, их поля были надвинуты очень низко, их плечи время от времени терлись друг о друга в липком горячем воздухе, а затем следовали за темпом на небольшом расстоянии.

Пройдя по грязной тропинке, они вчетвером оказались в густонаселенном строительном районе. Дома здесь очень высокие, что наводит людей на мысль о решетчатых помещениях Гонконга, но они не совсем такие. Высокие этажи здесь, очевидно, пристроили позже, а стены нижних этажей давно снесли.

Масляные пятна были замазаны густым темным цветом, но сверху стоял иностранный синий жестяной контейнер, светящийся пурпурным блеском в лучах заходящего солнца.

— Условия здесь действительно плохие. – Фэй-гэ закурил сигарету, сделав вдох.

Ипускаемый дым, казалось, слипся от влаги, и не было никакой возможности красиво рассеяться.

— Это место небольшое по площади, и в нём много людей. Если вы не можете построить его на земле, вы можете построить его только в небе. Дом становится всё выше и выше.

Чжоу Цзихэн собирался поднять глаза, но почувствовал руку, держащую его за затылок. Когда он подошёл и оглянулся, то обнаружил, что в том месте только что болтался оборванный провод. Ся Сицин уже убрал руку назад и сунул её в карман брюк своего комбинезона.

— Ты немного опускаешь голову. – Голос Ся Сицин казался исключительно чистым в жарком и влажном воздухе. — Я не знаю, с кем ты вырос таким высоким.

Когда Фэй-гэ услышал это, он также спросил:

— То есть, Цзихэн, как ты рос так долго?

— Долгий? - Чжоу Цзихэн необъяснимо посмотрел на Ся Сицина, словно прося о помощи.

Ся Сицин опустил голову и улыбнулся, затем немного приподнял поля своей кепки и огляделся.

— На уханьском диалекте не говорится, что люди становятся высокими, особенно для детей. Например, я твой дядя, - Ся Сицин поднял руку и коснулся полей кепки Чжоу Цзихэна. С полным ртом уханьского диалекта, изучая тон взрослого, он сказал.

— Хэнхэн, я не видел тебя полгода, и ты снова вырос.

После того, как он заговорил, его тон немедленно изменился, и даже диалект пропал:

— Ты понимаешь?

Чжоу Цзихэн приподнял уголок рта. Он не хотел, чтобы ему слишком нравился уханский диалект Ся Сицина. Он был живым и ароматным.

— Слова Сицина из Уханя подобраны с большим вкусом. - Фэй-гэ улыбнулся и похвалил режиссёра Куна в его присутствии, и режиссёр Кун тоже был доволен.

— Я не хочу сказать, что Сюй Чжуань потрясающий, даже диалект актёров был сохранен для меня. В это время, Сицин, ты будешь играть на китайском языке с уханьским акцентом.

— Я не человек с нарушением слуха. - Дорога впереди слишком грязная, даже с небрежным темпераментом Ся Сицина, здесь действительно нет выхода, поэтому ему приходится наклоняться и закатывать штанины серого комбинезона во время разговора, обнажая свои светлые лодыжки.

Шаги Чжоу Цзихэна тоже остановились, его взгляд скользнул вниз, на секунду задержался на слегка выпуклой косточке лодыжки, а затем снова устремился вверх, пока не увидел закатанные штанины брюк и кожу, скрытую внутри.

Он не мог не думать о сцене, когда лодыжка Ся Сицин той ночью покоилась на его плече.

В то время его глаза были такими, как будто он насквозь пропитался жарким воздухом города.

— О, да, да, у Цзян Туна небольшое нарушение слуха. - Он не заметил, что Ся Сицин остался позади, и Кун Дао, который был разбужен, хлопнул себя по лбу. — Я совсем забыл об этом.

Затем вы тренируетесь усердно.

Фэй-гэ ответил:

— Он играет аутсайдера, верно?

— Просто чтобы потренироваться в неортодоксальном уханьском акценте, хахаха.

Они вдвоём рассмеялись. Ся Сицин, который шёл позади, почувствовал жар. Он снял кепку и почесал волосы. Он дважды похлопал себя по волосам. Он собирался снова надеть кепку на голову, но Чжоу Цзихэн внезапно придвинулся и прошептал ему что-то на ухо.

— Я думаю, что я довольно длинный.

Ся Сицин нахмурился и поднял глаза. Его волосы промокли от пота, и они свернулись клубочком на одной стороне своего белого лица. Чем длиннее можно было растянуться до линии подбородка, тем выразительнее становилось даже выражение, которое он собирался обвинить.

Чжоу Цзихэн наклонился к его уху и вытер губами слегка выпуклую ушную косточку, намеренно или непреднамеренно во время разговора его голос был очень низким.

— То, что ты сказал, ты можешь добраться до самого сокровенного.

Этот хулиган разыграл ряд трюков.

Ся Сицин был в огне, поэтому у него не могло случиться припадка. Разве это не то же самое, что у маленькой девочки, к которой приставали?

Он глубоко вздохнул и почувствовал, что слова «Ветер и вода поворачивают вспять» на самом деле были совсем не неправильными. Он вырос хулиганом, а теперь к нему приставал парень на пять лет младше его!

Проделав хорошую работу по управлению выражением лица, Ся Сицин повернул лицо и посмотрел на Чжоу Цзихэн. Он поднял брови, очевидно, потому, что хотел быть жестоким. Он также сказал слово в слово:

— Рост не важен, опыт - самое важное.

Но в глазах Чжоу Цзихэна это всё обольщение.

Он кивнул и положил руку на плечо Ся Сицина.

Кун Чэн просто повернул голову и был счастлив увидеть двух людей, идущих так страстно. В конце концов, чтобы так долго играть драму вместе, актёры должны достичь определенной степени дружбы, иначе у него, режиссёра, будет болеть голова.

— Необходимо накапливать опыт. – Наблюдая, как Кун Дао поворачивается, послесвечение Чжоу Цзихэна вернулось к телу Ся Сицина. Он понизил голос. Он был явно мягким, но он был полон гнева. — Брат, научи меня.

Его уши были такими горячими, что Ся Сицин оттолкнул его и выплюнул ему в рот одно слово:

— Жарко.

В его словах, казалось, было немного акцента, с которым уханьцы любят произносить слова, как с привычным гневом, который отличали чувствительные уши Чжоу Цзихэна.

Тон одного-единственного горячего слова менялся и менялся, пока не оказался готов проникнуть в его сердце.

Даже если его отталкивали, Чжоу Цзихэн чувствовал себя счастливым. Сладкий аромат свиных ребрышек и супа из корня лотоса, приготовленного на медленном огне неизвестной семьей, доносился из узкого здания. В тот момент, когда небо вот-вот должно было погаснуть, он улыбнулся и пошёл за Ся Сицином, впервые ощутив фейерверк мира.

Прекрасно.

Это хорошо, несмотря ни на что, это хорошо везде, пока Ся Сицин рядом с ним.

Когда он подошёл к многоквартирному зданию, лестница внутри была темной и узкой. Как только Ся Сицин сделал два шага, Чжоу Цзихэн взял его за руку. Сначала он хотел вырваться, но не потрудился вырваться, поэтому просто позволил ему подержать её. В любом случае, свет такой тёмный, что тот, кто шёл перед ним, они двое тоже не могли ясно видеть.

Поднявшись на четвёртый этаж, он прошёл по тёмному коридору с дверью наверху. Фэй-гэ достал ключ из кармана брюк и открыл замок с помощью заставки мобильного телефона.

— Это та самая комната. – Фэй-гэ вмешался первым. — Посмотри на это, всё равно оно довольно маленькое.

На самом деле, это намного лучше, чем представлял Ся Сицин. Изначально он думал, что это будет какой-то грязный и старый дом. На самом деле, он был просто немного меньше. Это был

узкий дом с одной спальней, одной гостиной и одной ванной комнатой. Все четверо, казалось, не могли развернуться, когда стояли внутри.

Они немного походили по дому, и Ся Сицин получил общее представление о типе комнаты. Как только открылась дверь, это была небольшая гостиная. Через небольшой коридор была спальня. С правой стороны коридора были кухня и ванная соседствуют, размеры схожи, и их хватает только для одного человека. Диапазон занятий.

Единственный источник света во всём доме исходит из маленького окна в спальне, а под окном находится ряд маленьких сочных зелёных растений. Зелень очень милая.

Как только он вошёл в комнату, ощущение духоты было подобно слою пищевой пленки, прозрачной, но не воздухопроницаемой, плотно покрывающей Чжоу Цзихэна, он поднял воротник своей одежды и несколько раз хлопнул по нему.

— Это почти так. На самом деле, первоначальный владелец всё ещё очень любит чистоту. Это молодой человек, который работает рабочим-мигрантом. — Кун Дао рассмеялся. — Этот человек очень искренен. Я сказал дать ему больше денег, потому что ему, возможно, придётся снова украшать его. Он не хочет ни жить, ни умирать. Мы всё равно дали ему больше. Ребёнок был так счастлив, что продолжал говорить мне спасибо.

Ся Сицин попытался соотнести этот маленький дом с домом Цзян Туна в сценарии. Это чувство было чудесным, как будто он намеренно втискивался в маленькую безопасную форму и превращал себя в другого человека.

На кофейном столике в гостиной стоял маленький серый вентилятор. Он сел на диван лицом к нему и нажал на выключатель.

Вентилятор скрипел и вращался, а ветер был несильный, так что это было лучше, чем ничего.

Взгляд Чжоу Цзихэна прилип к телу Ся Сицина, наблюдая, как поток тепла оттеняет волосы у него на лбу, наблюдая, как он вытягивает шею навстречу ветру, потные волосы прилипли к уголкам его рта, он теребил руки, но у него не было времени беспокоиться о том, чтобы прилипнуть к стройному телу. Растрёпанные волосы на затылке.

Эта сцена подарила Чжоу Цзихэну сексуальность, полную фейерверков.

— О, кстати, у меня встреча со съёмочной группой. Давайте выйдем на улицу, чтобы вместе посмотреть ночной пейзаж. Вы двое остаетесь здесь или возвращаетесь в отель?

Прежде чем Ся Сицин смог ответить, Чжоу Цзихэн принял решение без разрешения:

— Остаюсь, я хочу прочувствовать сценарий. — С этими словами он в три шага подошёл к

дивану, в два шага сел и обнял Ся Сицина за плечи. — Сицин, останься со мной. Когда всё закончится, я позвоню Сяо Ло, чтобы он забрал нас, вернувшись в отель.

Брат Фэй выслушал и сунул ключ ему в руку:

— Тогда это для тебя. Моя жена только что прислала мне текстовое сообщение, призывающее меня забрать ребёнка на занятия с репетитором.

— Всё в порядке, брат Фэй, продолжай, а мой помощник подойдёт через некоторое время. — Чжоу Цзихэн кивнул рукой на плечо Ся Сицина. — Кроме того, разве здесь нет местного жителя?

Таким образом, Чжоу Цзихэн убедил Кун Чэна и Фэя. Они вдвоём спустились вниз. Звук шагов постепенно стал неслышным. Чжоу Цзихэн закрыл ржавую железную дверь и собирался развернуться. Ся Сицин толкнул его к двери.

— В чём твоя идея? — Ся Сицин отбросил кепку, которую держал в руке, назад и швырнул её на серо-зелёный матерчатый диван позади себя.

Его ладони были очень горячими, и он прошёл через его грудь, как паяльник к сердцу.

Наконец, табу снято. Чжоу Цзихэн посмотрел вниз на свою тонкую талию, обтянутую облегающей блузкой. Обняв его одной рукой, расстояние внезапно сократилось, и знойный воздух между ними, казалось, исчез. Это было так, как будто его исключили, и кожа и плоть ткани соприкоснулись.

— Загорелась твоя идея.

Ся Сицин опустил голову и разжал руку, которую держал в своих объятиях:

— Мечтаю. — Сказав это, он самостоятельно направился в ванную, и его голос отозвался липким эхом. — Я приму душ, моё тело слишком липкое. Ты можешь прямо сейчас позвонить Сяо Ло и попросить его купить что-нибудь поесть по дороге. Я очень голоден.

Сказав это, он протянул руку, чтобы запереть дверь ванной, но обнаружил, что покрытый медными пятнами засов вообще не поддается отодвиганию, и он не смог запереть его после нескольких попыток. Хорошо скрюченная рука ухватилась за дверной косяк.

Ся Сицин поднял глаза и немного хулигански улыбнулся бунтарству Цзихэна на прошлой неделе.

— Я тоже проголодался.

Сказав это, он протиснулся внутрь, и тесная ванная внезапно оказалась заполнена до отказа. Как только Ся Сицин вошёл, включился душ, и полилась вода, увеличивая влажность в этом маленьком пространстве. Липкая влажность – это рассадник желания.

— Здесь стоит не более двух человек. – Ся Сицин схватил подол своей одежды обеими руками, потянул его вверх и снял одежду, которая полностью прилипла к его телу.

Чжоу Цзихэн подошёл ещё на шаг ближе, почти прилипнув к нему:

— Ты всегда можешь подойти немного ближе.

Подняв голову, красный рот Ся Сицина, который был покрыт волной жара, слегка приоткрылся, выражение его лица, казалось, улыбалось или нет, и он заговорил, как будто обвиняя:

— Почему ты так пристаешь к людям.

После того, как он закончил говорить, Чжоу Цзихэн схватил чёрную футболку, которую он снял, в руке, выбросил её из ванной, шаг за шагом толкал его в грудь и потащил в самый большой душ, и горячая вода, которая лилась из его головы, сделала всё мокрым. Включая всегда низкий голос Чжоу Цзихэна.

— Это лучше, чем ты, за этим трудно гнаться и трудно сделать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284210>